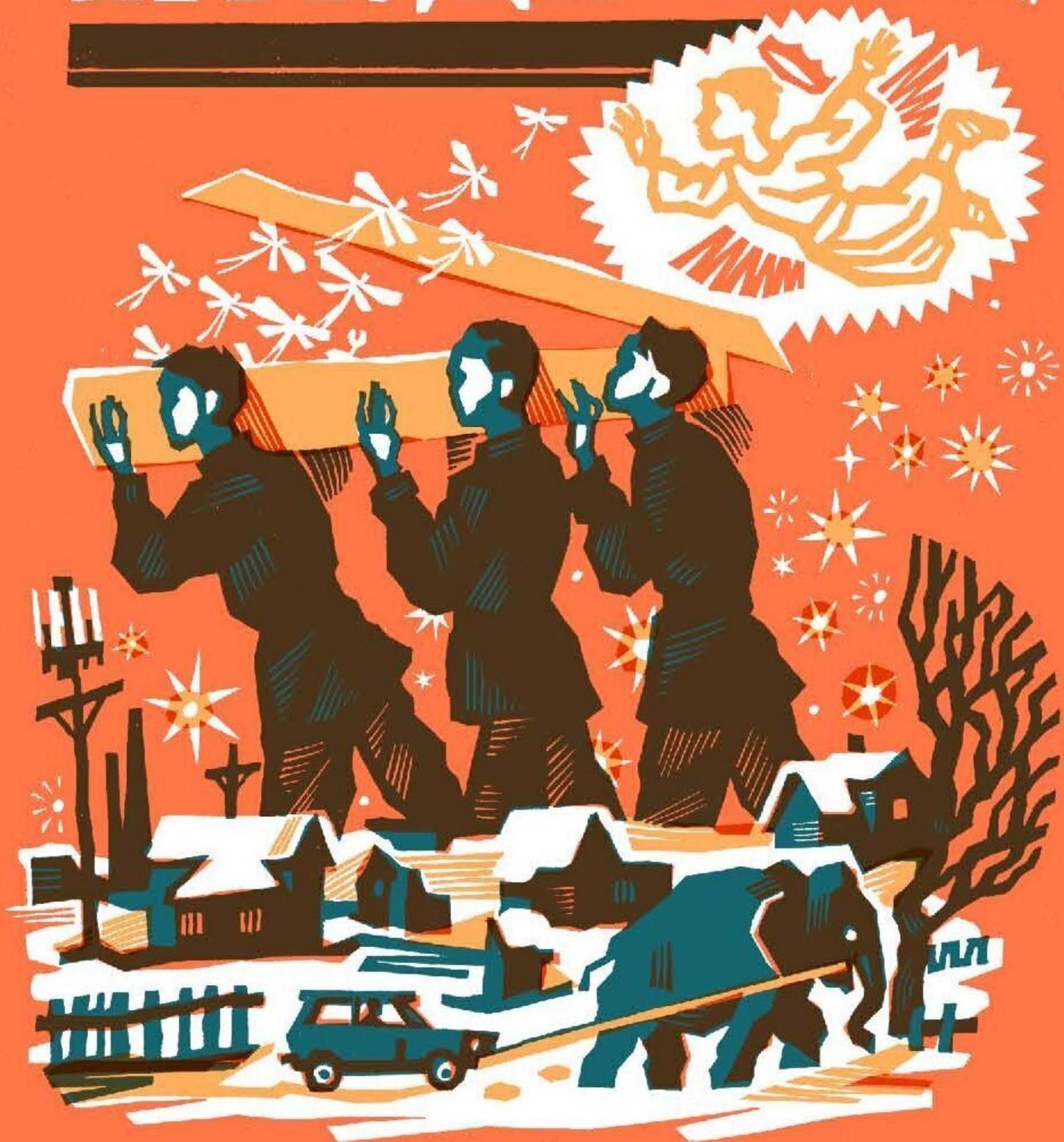

Роман Михайлов

ПРАЗДНИКИ

Individuum. /sub

Роман Михайлов

Праздники

«Individuum»

2023

УДК 82.344
ББК 84(2)6

Михайлов Р.

Праздники / Р. Михайлов — «Individuum»,
2023 — (Individuum. /sub)

ISBN 978-5-6048295-5-4

«Праздники» – это одиннадцать историй, которые могут стать фильмами, спектаклями, рыбами или снами, но пока что нашли себя в виде мистических сказок о подлинных переживаниях. В прошитом узорами, нездешним языком и ритуалами пространстве сборника квартира превращается в лес, на развалинах звучит потустороннее пение, а дети осваивают Тибет и выпускают зверей из зоопарка. Для потерявшихся внутри книги есть карта.

УДК 82.344

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-6048295-5-4

© Михайлов Р., 2023

© Individuum, 2023

Содержание

Зоопарк	7
Наследие	11
Рыба	21
Новый год	28
Чужая одежда	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Роман Михайлов Праздники

© Роман Михайлов, 2023
© Василий Кармазин, иллюстрации, 2023
© ООО «Индивидуум Принт», 2023

Зоопарк

Мне было семь лет. Отец разбудил рано утром и сказал, что мы едем в зоопарк «смотреть животных». Я встал, оделся, что-то съел, мы вышли, сели в автобус.

Отец довольно поглядывал то на меня, то на сидящих в автобусе. Казалось, он хотел рассказать, куда мы едем.

Приехали на железнодорожную станцию. Зашли в электричку. Час до города. Доехали, сели еще в один автобус. Оказалось, перепутали маршрут: в городе слишком много всякого транспорта, и просто так нельзя сесть и доехать куда надо. Вернулись, снова сели, снова поехали. Всего дорога заняла часа три с половиной. А когда подошли к зоопарку, он оказался закрыт. Был какой-то хозяйственный день, дворник у ворот объяснил, что в такие дни никого не пускают. Отец подошел к закрытому окну рядом с воротами, постучал кулаком. Никто не отозвался. Мы простояли там минут десять, после чего из внутренней будки вылез недовольный человек, подошел к воротам с той стороны и сказал, чтобы мы уходили. Отец попросил нас пустить: в виде исключения. Человек рассмеялся и пригрозил, что вызовет милицию, если еще раз услышит, что кто-то стучится.

Мы пошли обратно – к автобусной остановке. Видно было, что отец сильно расстроился. Я попытался как-то его успокоить, сказал, что не особо и хотел в зоопарк, что лучше вернуться домой. Когда подъехал автобус, отец не пошевелился, остался стоять и смотреть в воздух. Мне даже стало не по себе. Говорил ему что-то, а он не реагировал. Мне этот зоопарк вообще не нужен. Мы уже ездили в прошлом году – там скучно, неинтересно. Стоят измученные животные, глядят через решетки, надо ходить мимо них и кивать типа «это пеликан», «это аист», «это еноты».

Сколько мы так простояли... Затем отец молча взял меня за руку и решительно повел обратно. Мы пошли вдоль высокого забора к трехэтажным желтым домикам. В одном из окон был курящий человек. Отец сказал, чтобы я попробовал пролезть под забором. Я без труда это

сделал, лег спиной на асфальт и, как перемещающийся боком червяк, проник в заветное место. А когда отец попробовал сделать то же самое, он застрял. Я схватил его за руку, потащил к себе. Человек в окне заулыбался. Видимо, нечасто он наблюдал такое. Я потянул еще сильнее, наклоняясь всем весом назад. Отец сказал, что всё-всё-всё, не тащи, никак, надо снять куртку. После этого все получилось – мы оказались в зоопарке. В запачканной одежде. Ехали и приехали. Можно ходить и смотреть.

К отцу вернулось прежнее настроение, он принялся водить по рядам, показывать пальцем на разных животных, хохотать. Вот этот опасный, такой вцепится в руку, и все – нет руки. Этот опасный, а тот нет, этот откусит руку, а тот – ногу. Тот похож на коллегу по работе – стоит с открытым ртом, смотрит, а изо рта течет слюна. Этого облепили мухи, они стали для него как подвижная кожа, то отделяющаяся от тела, то снова возвращающаяся на место.

Я тоже сделал вид, что это радостно и интересно, – не хотелось его расстраивать. Все эти дрожащие хорьки, облезлые грустные лошадки, вылезавшие из мутной воды головы, выпученные в никуда глаза. Какое же это бессмысленное и нелепое занятие – «смотреть животных».

Начался дождь, видимость потемнела. Похоже на то, как смотришь через грязное стекло или пленку от диафильма. Животных и до этого было мало, а из-за дождя и остальные спрятались. Показалось, что я это где-то видел, может, и во сне: мы приходим в пустой зоопарк, разглядываем клетки без животных. Ходим, показываем пальцем на пустые места и хохочем от радости.

Было крайне неудобно: не знал, как сказать, как предложить пойти обратно. Уже посмотрели животных, сами грязные и мокрые, лучше поехать домой. Пойдем снова пролезем под забором, сядем на автобус, затем на электричку, еще раз на автобус, окажемся дома? Я не успел ничего сказать. На одной из дальних дорожек появился человек – видимо, работник зоопарка. Отец присел под деревом и махнул мне, чтобы я сделал то же самое. Человек прошел мимо, нас не заметив. Мы встали и пошли, оглядываясь. Вдруг появились другие люди, тоже по виду рабочие. Они нас точно заметили и крикнули что-то в нашу сторону. Отец схватил меня за руку, и мы побежали. Отец перепрыгнул через небольшой заборчик, протянул руки, перенес меня. Мы оказались за ограждением. Кто там обитал – непонятно. Явно не кто-то хищный, если можно было так просто туда забраться. Мы подбежали к деревянной постройке, зашли внутрь. Отец поглядел через вырезанное окно на дорожку, сказал, чтобы я спрятался, что они сейчас начнут нас искать.

Не припомню, когда видел отца таким счастливым. У него блестели глаза, он смеялся, поглядывал на меня, указывая видом, что наступает настоящее интересное приключение. А я прекрасно понимал, что сейчас будет. Приедет милиция, а потом уже непонятно. Нас заберут и посадят в тюрьму – или только его, а меня куда-нибудь отвезут. При том что мы ничего плохого не сделали, просто пришли смотреть животных. А зачем забрались сюда? Спрятались от людей.

Отец сказал, что скоро нас окружают, нужно будет выходить из окружения по одному, у него с собой пара автоматов и гранаты, он возьмет огонь на себя, а я должен буду бежать в другую сторону. Если бы мне было лет пять, я бы, наверное, обрадовался такой игре, но тогда я уже четко понимал, что отец говорит что-то не то. Попросил его пойти обратно, пока не приехала милиция. Отец недовольно посмотрел и ответил, что просто так не сдастся, пусть попробуют нас отсюда выкурить, пусть применяют слезоточивый газ, мы сможем оказать сопротивление. И еще мы им скажем, что проход к нам заминирован.

Мне стало страшно. Не из-за возможных последствий, а из-за того, что с отцом что-то случилось. Когда ехали сюда, планировали просто погулять по зоопарку, а теперь мы – мокрые и грязные, в конуре каких-то животных, сидим и ждем, когда нас окружают. Я плюхнулся на землю и заплакал. Отец, увидев мое состояние, подошел, взял за руки и сказал, что... я даже не понял, что он сказал. Он говорил про ощущение момента, про обстоятельства, про судьбу, про предсказуемость жизни. Только я ничего не понял.

Мы попали в оцепление. Здесь пески, вертушки, минами отрывает ноги, в воздухе хлесткий свист – звук пролетающих пуль. Надо дожждаться ночи: когда они уснут, мы сможем выйти. Надо понять, где расставлены снайперы. Хотя редко кто погибает от прямой пули, чаще от осколков. А еще мы заняли чье-то жильё. Даже не знаем, какой породы этот зверь и как он отреагирует на нас, когда вернется. Может, это большая птица: она придет, засунет нос в свой дом, увидит нас и удивится. Мы ее сделаем разведчиком, пошлем следить за обстановкой, объясним, что лучше с нами, чем с ними.

Здесь холодно и сыро. У отца глаза тоже мокрые, и не понять отчего – то ли от дождя, то ли от радости.

Нас заметили, начали нам кричать. Отец выкрикнул в ответ, что мы так просто не сдадимся, что мы вооружены. Дальше все было как в больном сне. Отец смеялся, что-то объяснял, я плакал. Прибежали люди в форме – даже не понял, милиция ли это, – повалили отца. Один из них резко взял меня за руку и вывел наружу.

Там, за жилым кварталом, начинается сплошной лес. А за лесом ничего нет – так кажется. Проезжаешь местность и оказываешься в пустоте. Ходишь на ощупь. Там могли бы построить новый город или завод, занять место деятельностью. А ничего не сделали. Все осталось как есть. Как есть – это дышащая тихая природа, без людей.

Автобус туда ходит раза четыре в день. Запрыгивают сжавшиеся, как зимние утки, пассажиры, прилипают к окнам и качаются час-полтора.

Там интересно ночью. Темная лесная дорога. Дождь без ветра и шелестящие деревья – густые и плотные, сквозь них не пройти. Если там оказаться, сразу можно согнуться – никто не найдет. Эта плотность дремлет, как гигантское живое существо с мокрой кожей. И дорога пустая, сырая, скрытая.

Дальше круглый поворот, и то, что за ним, – не видно.

Что там произошло?

Сначала высветилась дальняя сторона, а затем мягко и почти бесшумно, следуя за своими лучами, возникла машина. Она остановилась на повороте. Наверное, в этих местах никто никогда не останавливался и вообще не предполагалось человеческое присутствие. Вышел человек, встал в дожде. Начал шептать и мокнуть.

У меня вполне цивилизная машина, дорогая и ухоженная. В багажнике лежит все, что надо. Я все приготовил.

Интересное состояние. Могу стоять там и мокнуть, а могу смотреть на себя со стороны, рассказывать: «вышел человек».

Утром я приеду в пустую местность. Там ворота, дальше мелкие домики, рассыпанные как клюква. Пять лет назад приезжал туда и думал, что больше не вернусь. Они называют это место «психиатрическим пансионатом» – реально же это какая-то духовка. Ходишь, смотришь, и внутри все сдавливается, будто выкачивают внутренний воздух. Ты был надут, как резиновая кукла, походил там и сморщился.

Будет утро, я приду. Вчера созвонился с врачом, он разрешил его забрать покататься. Мы поедem куда-нибудь. Конечно, он будет молчать, а я буду говорить и за себя, и за него. Ну, как дела? Да ничего. У тебя как? У меня тоже. Как на работе? На какой работе? Ну ты же где-то работаешь? Где-то, да. Нигде. Здесь на повороте что-то не так: кажется, можно выйти и раствориться – никто не найдет. Будем стоять, мокнуть, уменьшаться. Тело растопится дождем. Останется пустая машина с зажженными фарами посреди шипящего леса. Будут искать в лесу с фонариками, а мы туда и не заходили, растворились прямо на дороге. А почему не приезжал так долго? А что, вот я приеду, вот мы сядем, я это проговорю, уеду, затем еще раз приеду, что-то скажу, уеду. И буду снова и снова без толку приезжать, что-то рассказывать, показывать фотографии. Или что?

Утром я приехал, мне помогли запихнуть его инвалидную коляску на заднее сиденье, самого завели и посадили рядом. Мы поехали. Ну что, как дела? Куда едем? Так, покатаемся, посмотрим природу. Сегодня выходной, отвезу тебя в одно место.

Я специально выбрал этот день: знал, что зоопарк будет закрыт. Мы подъехали со стороны трехэтажных домов. Достал сумку из багажника, протолкнул под забором, сложил коляску, но она не прошла – тогда перекинул ее рядом, в той части, где забор пониже. Она со звоном упала на землю, покосилась, как подбитая лошадь. Ну давай, снимай куртку, полезли. Вот мы и в зоопарке, сейчас пойдем смотреть животных.

Коляска не разбилась, осталась вполне рабочей. Я его посадил, покатил по местам, стал показывать на животных, называть их. Он запрокинул голову назад, посмотрел на меня. А что смотреть: мы приехали, погуляем, отдохнем. Здесь никого нет, сегодня все закрыто, хозяйственный день. Здесь тихо и хорошо, почти как на кладбище. Ходишь, смотришь животных.

Подшли к клеткам с тиграми. Такой за руку как схватит – и нет руки. Зубы белые, лицо злое. Можно его подразнить, просунуть руку, посмотреть, успеет ли наброситься.

Появился человек: видимо, рабочий. Внимательно посмотрел на нас, затем подошел, спросил, кто мы такие. Ответил ему, что специальная программа по работе с инвалидами, нам разрешили в хозяйственные дни здесь гулять, с администрацией все согласовано. Человек послушно покивал, пошагал дальше.

Подшли к дальним заборкам. Тем самым. Он резко дернул головой, его глаза заиграли. Ну а что ты думал? Просто будем здесь гулять и смотреть животных? Нет, полезли. Давай, прыгай туда, не бойся – чего нам бояться. Оставили коляску, я потащил его к дальнему домику. Вместе с сумкой.

Сели у окна. За двадцать лет ничего там толком не изменилось. Я раскрыл сумку, достал два калаша и лимонки. По мирным не будем стрелять, только в воздух, война есть война, не мы ее начали, это обстоятельства. Нам нужно продержаться сутки, потом придет подмога, наши уже на подходе, в штабе всё знают. Выйдем из оцепления – начнется новая жизнь. Давай радоваться и предвкушать. Как думаешь, где они расставят снайперов? Скорее всего, в тех дальних клетках, за деревьями. А там опасная высота, когда придут наши, надо ее занять. Хорошо, что есть забор, это будет граница нашего города. Главное – сутки. Дальше все пойдет. Спасибо. Хорошо.

Наследие

Есть же такие животные, какие-нибудь ежики – если их потрогает человек, то свои уже не примут. Кто-то шел, умилится, погладил, а теперь ему только идти и топиться.

Меня впечатляло, как сельские волновались о слухах, кто что скажет. В городе как: живешь и не знаешь соседей, закрываешься на четвертом этаже, и тебе безразлично, кто за стенкой и что о тебе думает. А на селе все варятся вместе, как будто проживают одну и ту же жизнь.

В городе если доносится стон – ну и пусть доносится. А тут поглядывание и пошептывание. Кто кого в снях зажал, кто рехнулся и землю ест.

Все дома мне казались переплетенными под землей. Наверху они как мелкие коробки, а внизу – корневища и лабиринты. Непонятно, кто кому родня, у кого с кем какое прошлое. Наш двухэтажный желтый дом на шесть квартир сплетен с дальним домом тети Тони, а еще со школой и кладбищем. Всё это одно жилище, все смотрят друг на друга и не только осуждают, но и любят. Любят болезненно, как себя. И не хочешь глядываться в зеркало, но приходится: глядываешься и признаешь, что ты – это ты, никак не выкрутишься.

Культуры я всегда боялся больше, чем природы.

У нас был большой сундук, в нем отсыревшие вещи и несколько книг с плотными страницами бронзового цвета. Когда прикасался к этим книгам, слегка потряхивало. Сборники текстов писателей из республик СССР с фотографиями авторов. От этих фотографий несло жутью. Эта жуть гораздо тяжелее, чем та, что в темной роще, куда просовываешь голову и

оставляешь себя на съедение. Никто там не потревожит, не растерзает, и возникающий страх – не больше, чем страх темноты.

Что удивительно, раскрыть ту книгу с фотографиями на любой странице – там будет о природе. Не об обществе и не о страстях. Описание заката, вдохновение горными хребтами, воспевание каких-нибудь бескрайних полей. И все бы ничего, если бы не фотографии.

Зачем они все воспевают природу? Я всем расскажу, какая ты красивая, только не трогай меня. Наверное, так. Скорее из страха, чем из восхищения. Чтобы защититься и не сгинуть.

Ерунду я какую-то сказал, да?

Культура и природа – это то, в чем тонет человек. Где страшнее? Кому как.

У стены, рядом с сундуком, стоял черно-бело-зеленый телевизор. Он бился током – можно было поднести к экрану ладонь и погладить колкие колоски. Ручка для переключения каналов давно отлетела и потерялась, приходилось крутить плоскогубцами. Канала всего три. Самый интересный – областной. Как ни странно, по нему шли зарубежные фильмы, как в видеосалонах. Видимо, кто-то просто добывал и ставил в эфир всевозможные кассеты. Были новости региона – аккуратная ведущая на синем фоне излагала кто-где-чего-зачем. Ну и скучные передачи типа в гостях у сельских жителей или вести с предприятий с однообразными интервью. Все это крайне неинтересно. И понятно, как к таким передачам относились сами работники канала – как к тяготе, поскорее бы снять и забыть.

Это был четверг.

Бабушка перебирала старую одежду в другой комнате. Перекладывала из шкафа в шкаф. Как четки – этим можно заниматься бесконечно. Я сидел на нашем старом диване и смотрел областной канал – американскую мелодраму. На выпуклом экране и без того всё в ряби, а еще, видимо, кассета, с которой транслировали, была затертая. Иногда не было понятно, кто из героев скрывается в говорящем пятне. Фильм закончился, началась традиционная передача о путешествиях по краю. Улыбающиеся ведущие принялись рассказывать о красотах нашей области, о дружном населении, о застольях. Так и сказали: «В каждом доме живет праздник».

Обычно все это воспринимается как фон или далекий щебет. Никогда не обращаешь внимания и не отвлекаешься от мыслей. Наши деревни сомкнулись кольцом вокруг чудесного озера, ля-ля-ля. А в сердце всего этого созвездия находится село, ля-ля-ля. Я дернулся, оживился. Ведь это про наше село. Они доехали наконец и до нас.

Крикнул бабушке, что наше село показывают, она приковыляла из комнаты, уставилась в экран. Действительно, это наши места. И мы знаем здесь не то что каждую тропинку, а каждую ветку, отлетевшую доску в стенке магазина, пожелтевшие оградки при повороте на кладбище – да всё, что есть. Вы можете сфотографировать клочок земли и спросить, где это, – мы приведем, покажем.

Ведущие торжественно вкатились, держа микрофон с длинным проводом. Мы вам расскажем про это прекрасное место и замечательных людей. Бабушка довольно захохотала, заблестела глазами, поглядела на меня – неужели это действительно происходит?

Они принялись рассказывать историю села, кто здесь обитал до революции, как наш магазин был перестроен из имения какого-то купца. Мы с гордостью ловили каждое слово, боялись прервать лишним звуком. Только бы собака не залаяла и не заглушила то, что говорят.

Дошли до истории села во время войны, рассказали о том, как в церковь попал снаряд. В развалинах храма до сих пор слышно ангельское пение, службы не останавливались ни на минуту. А кладбище полно тайн. Ходят слухи, что где-то на нем зарыт клад, что купец перед смертью попросил не раздавать добро невесте кому, а оставить ему.

Вернулись к центру, к нашему магазину. Довольные ведущие объявили, что сейчас поговорят с местными жителями, расспросят об урожае, быте и заботах. Сразу же рядом с ними нарисовался дедок в потрепанной серой рубашке и черной кепке. Вы всю жизнь здесь живете? Да, всю жизнь, здесь родился. Расскажите про свое село. Ну, село как село, оно для меня род-

ное, другого нет, вот здесь в школу когда-то ходил, здесь и проработал, пока производство было.

Мы с бабушкой недоуменно переглянулись. Это кто? Тут нет такого деда. Мы всех знаем. Неужели ведущие притащили деда с собой и берут у него интервью? Может, он у них на все передачи ездит, по всем местам? Везде выплывает как местный и рассказывает, что всю жизнь здесь прожил.

Дальше случилось еще более неожиданное. Они зашли в наш магазин и поговорили с продавщицей. Что у вас в ассортименте? А все, что нужно: крупы, сухой кисель, сок в трехлитровой банке. Выбор соков поражает. И грушевый, и вишневый.

Бабушка строго повернулась ко мне – уже не в растерянности, а в беспокойстве. Что это за продавщица? У нас нет такой. И никогда не было. Бабушка в голос выразила недоумение продавщице: «Ты кто такая?» Как можно приезжать и привозить с собой актеров, чтобы играли местных? Чем настоящие местные хуже? Почему нашу продавщицу не снять – она что, не сможет про сок и крупу рассказать?

Бабушка встала и недовольно вышла, вернулась к перекладыванию вещей, поворчала из другой комнаты. На экране шла все та же лабуда: они встречали людей на улице, спрашивали, как им живется, все задорно рассказывали о своем быте. Пошли вдоль домиков, прямо по нашей улице. Я смотрел не моргая. На этой улице есть пара двухэтажных домов. Они построены еще до войны. По коже прошел легкий ток, такой же, как если гладить телевизор, – холодное покалывание. Они идут в наш дом! Крикнул бабушке: «Они идут к нам!!!» Бабушка выглянула на пару секунд, не стала вглядываться.

Веселые ведущие поднялись по нашей лестнице на второй этаж. Поговорим с жителями этого замечательного дома. Позвонили в нашу квартиру. Я закричал еще громче. Они пришли к нам! Это же наша квартира. Бабушка вернулась на стул, уставилась. Это же точно наша квартира? Да. Дверь открыла низкая худая женщина с небрежно связанными волосами, ведущие попросили разрешения зайти, она впустила. Наша квартира. Это же наша квартира. И ее жители. Кто они? Бабушка молча смотрела и ничего не понимала. И я тоже. Что они делают в нашей квартире? Мы никогда их не видели, это не наши родственники, они никогда здесь не жили. К нам забрался непонятно кто и снимается в телепередачах. Здесь мы живем всю жизнь. Какую жизнь?! Как ты можешь жить здесь всю жизнь, если мы тебя не знаем? Бабушка закричала: «Где ваша совесть?» Тут дело не в совести, происходит что-то более странное. Это не они забрались в нашу квартиру, а мы сейчас залезаем куда-то не туда.

* * *

Через десять лет. В пятницу.

Кроме меня никто не ходил к Тихону Сергеевичу. Боялись, ленились – не знаю.

Обычно он лежал почти неподвижно, ухватившись руками за края кровати, будто ожидая, что невидимая сила выдернет или опрокинет, – охал, сопел. Иногда сжимал одеяло сильнее. Сейчас волна придет, надо выдержать, прошла – можно отпустить. Может, от боли или от тоски – не хотелось спрашивать.

В пятницу зашел, а кровать пустая. Огляделся по сторонам, вздрогнул. В углу как столбик – Тихон Сергеевич. Стоит, глазает.

Принес еду? Принес. Поставь на стол. Ладно.

У него все почерневшее: и лицо, и иконы. Кажется, что свет не долетает до комнат. И запах: все отсыревшее, будто только что шел дождь и ничего не просохло. Больше нигде такого нет, только в этом доме. Как мрачное болотце.

Тихон Сергеевич строго проговорил из угла, чтоб я не забыл про его отпевание. И если Андрюша откажется, чтобы поехал в город и нашел там другого священника. Надо провести

полную панихиду, а не сокращенную. А почему отец Андрей может отказаться? А он найдет повод, придумает что-нибудь. Нехорошо ведь отказываться, если зовут отпеть? Нехорошо, но он выкрутится.

Вышел из дома – как вынырнул из тины: все цветистое, кишашее, звучащее, зудящее, травы выше роста, отблеск слепит, воздух укрывает, а в окнах ничего не видно, там темно, здесь светло.

У меня от каких-то цветов слезятся глаза: не могу понять от каких. Или не от цветов, а от травы. Начинается в мае, заканчивается в июле.

От дома Тихона Сергеевича до нашего минут двадцать, но это через поле, а по дороге дольше. Если пойду напрямик, обязательно заплачу, а если извилистыми тропами – все будет нормально.

Дима сидел прямо на дороге, крутил цепь. В черном спортивном костюме на голый живот. У него лицо всегда грязное и загорелое, один глаз не полностью открывается. Он улупелся со мной, делая из цепи вентилятор, спросил, не боюсь ли ходить к Тихону. А чего бояться? А почему никто больше не ходит? Раньше все ходили, кому надо вылечиться или кого-то заговорить, а когда его прижало, остался никому не нужен. А что он сейчас говорит? Ничего особо, просто лежит, иногда стонет и что-то шепчет.

Мы пошли по селу, представляя, как из кустов вылезают монстры, мы их мочим руками и цепью – железом по их наглым глазам. Дима сказал, что надо отбить почки монстру, чтобы тот скрючился и заскулил, потом сбросить его в канаву. Мы это и проиграли: выбросили невидимую тушу, добавив следом пинков и харчей.

Витя колотил по боксерскому мешку около своего сарая, как обычно. Витя – весь потный и простой. Раньше он выступал на областных соревнованиях по боксу и даже у кого-то там выиграл. Меня он тоже когда-то учил боксировать: разбил губу, я постоял, попускал красную слюну в землю, а Витя пояснил, что так будет каждый раз, пока не научусь закрываться.

Витя нас увидел, сказал, что сейчас Шпрот подойдет и поедем. Шпрот – самый смешной. Вообще, мы все когда-то учились в одном классе, и мне казалось, что с годами они не меняются. Сколько их помню, Шпрот и Витя составляли коллекцию женщин, делили их между собой, распределяя, кто какой будет владеть. Только не наших сельских – они неинтересные, – а если появляются в журнале или в телевизоре или заезжают из города.

У Шпрота сел старший брат за то, что вломился в наш магазин и, угрожая вилами, забрал все бухло, и Шпрот резко стал проповедовать АУЕ, понятия и тюремный уклад, объяснять, что надо скидываться на воровской общак. А скидывать нам нечего, разве что можно с грядок собирать огурцы и кабачки, отправлять брату на зону. Он раскапывал все эти темы в интернете, а потом нам пояснял, как знающий: чем отличаются положенцы от смотрящих, что какая наковка значит. Ему не повезло с телом. Шпротом просто так не назовут. Он тощий и беспомощный. Характер не вмещается в тело – такое бывает весьма часто.

Шпрот всегда завидовал Вите из-за того, что тот накачанный и спортивный, и при любом удобном случае пояснял, что качков на зоне не любят, их там сразу ломают и загоняют в петушинный угол. Если качок – на самом деле педрила, просто маскируешься под нормального. Чего ты себя облизываешь и банки в зеркало разглядываешь? Педрила потому что.

Витя же относился к Шпроту снисходительно. Мы все последний раз конфликтовали в классе в пятом, и то без причины. Для меня все они – как погода, всегда рядом, и неважно, что говорят.

Мы сели в черный мерс, гладкий как стекло, с золотыми обручами, серебряными лучами, включили Клауса Шульце на телефоне и поплыли в сторону города. У нас элегантные костюмы, галстуки, блестящие кроссы на ногах, мы – не какая-то сельская гопота, а настоящие агенты. У нас радиосвязь с центром. В сторону города... Мимо всего нашего великолепия. Все это наше

– ароматное и благодатное, и лето, благословляющее на жизнь. Как здесь хорошо... Вьются и исчезают дорожки, вздыхают соседи в окнах, а мы мчимся и мечтаем.

Дима сочинил, что мы на бронике, а из кустов вылезают всякие твари, надо строчить из автомата. Он открыл окно и провел очередь, озвучивая ее: тра-та-та, на, сука, получай, хребет не сломай, лежи, не дергайся, жди, когда свои оттащат, прикинься жмуром, уцелеешь, дернешься – вернусь, добыю. Сейчас подъедем, лимонку в колодец для верности, чтобы звезды в лужу попадали, а мы схоронимся, пока обстрел не закончится. Даже Шпрот посмотрел на это удивленно, как на излишнюю шизу, хотя он привык к играм Димы. Сказал ему, что надо, как в фильме «Брат-2», пробить заднее окно и завалить всех тварей из пулемета. Они нас не жалели – и мы не будем. Дима обмотал цепь вокруг кулака, спросил, не обыскивает ли охрана при входе. Обыскивает, это лучше в тачке оставить, иначе не пустят. Там и менты, и местные, можно неприятностей выхватить из ситуации. А кто будет напрягаться? Конечно, никто, если чел на дискотеку с намотанной на руку цепью придет, типа так танцует. Лучше оставить. Мы скажем, что у Шпрота брат – известный криминальный авторитет, поэтому нам можно все, любой беспредел.

Мы – боевая единица. Нас можно послать на задание. Только не окружить кого-то, а протаранить.

Пока ехали, тачка подплавила и задымила. Дима сказал, что твари нас так подбили, надо выскакать и нырять в траву, пока не взлетели. Витя ответил, что всегда так, можно не обращать внимания, если запах не смущает, – доедем и туда и обратно, ничего не взлетит.

Горячий ветер погладил лицо, я закрыл глаза и увидел, как удаляюсь от чего-то: от земли, от стены, от того, что только что было рядом. Волей переключил это видение, стал не удаляться, а приближаться. Если ты можешь так плавно перемещаться туда-сюда, это значит, в тебе есть свобода. Кажется, что вокруг не пробегающие села, а декорации. Кто-то проматывает диафильм около глаз.

У клуба пятеро – перегретые, все на кортах. Пять – это нормально. Каждый один на один, а Витя с двумя. Дальше – уж как получится. Они как агрессивные клопы: если пройдешь мимо один, обязательно зацепят. А раз вчетвером и с Витей, просто злобно зырк-зырк, куда ты, ёпт, сука ты, давай-давай, слышь, вали по-быстрому.

Да неважно, что они там проскулили. Если обращать внимание на всех, кто тебе вслед что-то мычит, здоровья не останется.

Внутри темно и огненно, вспышки, дымные рисунки. Сколько кого – непонятно, все покрашены лучами, и, когда меняется звучание, меняются и окраски, губы синие, лица серые, все мерцает, мельтешит, люди мотают головами, выставляют руки перед собой, дергаются. Это самый лучший клуб, хотя я в других не был.

В момент заметил, что там, в густоте, стоит и смотрит на меня какая-то немыслимая красота, милая девочка с ангельским лицом, самая красивая из тех, что можно вообразить.

Она смотрела на меня – не на тех, кто со мной рядом, а именно на меня. И я смотрел на нее.

Началась песня «Светит луна» певицы Светы. И я понял, что ее так же зовут. Света. Я сейчас подойду к ней, скажу, что... Что-нибудь скажу, и мы уйдем отсюда. Да, точно: спрошу, почему у нее ангельское лицо и что она здесь делает. Спрошу, почему же здесь так хорошо, во всем этом звучании. Люди вкалывают в себя всякий кайф, а можно прийти сюда и пережить всю жизнь за пару минут, такое счастье и волнение. На тебя возложены руки с небесным благословением. Не за то, что ты правильно жил и не грешил, а просто так. Так случилось, ты попал сюда, в чистое счастье, стой и наслаждайся.

Шпрот заметил, что мы так стоим, спросил, чего это я на его телку запал, они уже с Витей всех здесь поделили. Ну ладно, нравится так нравится. Не возражает.

А вскоре появился Дима и заорал в ухо, что их человек двадцать и нас сейчас закатают в пол, надо резко валить. Я не понял кто, и что, и за что. На меня смотрит ангел, а я на нее. Нам кишки выпустят прямо здесь! Кто? Их двадцать человек, все с битами, арматурой, а у нас ничего нет. У нас есть Витя. Витя уже сполз вниз по стенке и лежит в углу.

Даже не понял как и когда. Что-то тяжелое и гулкое упало сверху, все погасло, музыка осталась, но далекая, как в мешке. В мешок поймали темноту и заставили ее звучать. Все вместе легли спать. Или сделали из клуба бассейн, засунули головы в гул и спрятались.

Я смотрел, как по закрытому веку Тихона ползает муха, трет лапы, как почтальон, доставляющий ядовитую посылку, и чего-то ждет. Тишина звенела. Он вроде как спал, я сел рядом и зачем-то попросил: Тихон Сергеевич, мне интересно, как там, – на девятый день вернитесь во сне и всё расскажите. Как только проговорил это шепотом, дернулся. Зачем такое просить? А уже всё. Уже произнесено. Не стоило. Теперь явится, а может, и не во сне, а как оживший, постучит ночью в окно. Хотел знать, как там? Сейчас расскажу. Там как здесь, только тише, тишина не звенит, и не затхлое все, а свежее.

Очнулся и не понял, куда перемещаемся. Вроде едем в город. Рядом злой Дима. Впереди Шпрот и Витя. Едем в клуб. А чего все недовольные такие? У Шпрота лицо перемятое и перемазанное бордовой краской, у Димы тоже. А что произошло? Мы не в город едем, а из города, не в клуб, а из клуба: уже сходили на дискотеку, хорошо, что все живы. Тачка затихла, не дымится, покачивается, как лодка. Голова ведет туда-сюда, изображение переворачивается, как будто кувыркаюсь. А где мы сейчас? Подъезжаем. Куда? К дому, куда же еще. А где дом, почему все шатается и гудит? Надо поймать руками какую-нибудь траву, в нее вцепиться и прижаться к земле, тогда точно не упадем – некуда будет падать.

Мы легли рядом с сараем Вити, вдохнули ночную свежесть. Все вчетвером на спины, хватая руками колышущие звезды. Шпрот больше всех негодовал, объяснял, как мы завтра вернемся и что с ними сделаем. А мне было нормально. Обычное лето. Даже не понял, кто это был, да это и неважно. Мыслями оставался там, в бегающих разноцветных лучах, стоял и смотрел на девочку с ангельским лицом. Интересно, как такие, как она, осознают себя. Просыпается, подходит к зеркалу, смотрит, говорит: а все-таки у меня ангельское лицо и фигурка тоже классная, я нравлюсь мужчинам. Она идет куда-нибудь, ловит на себе взгляды, радуется своему существованию: хорошо, что я – это я. Шпрот перешел на рычание, вскочил, схватил полено и принялся размахивать над собой, как подбитый вертолет, объясняя, что он с кем сделает в городе. Дима его поддержал, ударил цепью по воздуху с воплем: «На, с-с-сука, тебя, урод, не учили, как с людьми разговаривать?»

Вдавился гудящей головой чуть в землю, и получилось, что нахожусь под миром, в подземном царстве. Как же это трогательно... Ее нежное лицо нарисовалось на уходящем в никуда небе – в темной пахучей густоте. Она подмигнула мне и пошевелила губами. Типа да-да-да, я тоже на тебя смотрю. Дай угадаю, о чем ты сейчас думаешь. О том же, о чем и я. И у меня, и у тебя сейчас все кружится перед глазами, слышится та самая музыка, что только что играла.

Представьте, что вы лежите, вдавленные затылком во что-то мягкое, в огромную подушку, и видите, как весь мир складывается из пирожных – белых и почти белых. Их можно резать ножом, они пахнут, мнутся, выпрямляются. Мир как кондитерская фабрика. Руки тяжелые, не поднять и не поднести к лицу. Ладно, это уже лишнее.

В субботу с самого утра лил дождь. Одинаково повсюду. Струи с неба на землю, с земли на небо, и пар. Пока дошел до дома Тихона Сергеевича, весь вымок, в сенях снял свитер и выжал, как половую тряпку. В доме тишина и все тот же запах.

Он лежал так же неподвижно, как обычно. Неясно, живой или нет. Шуметь не хочется, лучше сесть и подождать.

Про себя проговорил еще раз: «Не надо приходить ко мне на девятый день, я тогда попутал, попросил невесть что, не надо». Сколько прошло? Минут двадцать, наверное. Открыл

глаза, уставился. А, ты? Да. Хорошо. Как самочувствие? Никак. Он спросил, не забыл ли я его просьбу. Я немного смутился, не понял, о какой просьбе речь. Переспросил: а что за просьба? Отпевание! Полную панихиду чтобы. Конечно-конечно. Пойду к отцу Андрею и сразу договорюсь. Он может отказаться. Уже какой раз это слышу и не понимаю почему. Это же его работа. Он хитрый, откажется. С чего он хитрый-то? Обычный поп. Если откажется, пусть из города приедет священник. Хорошо. Полная панихида нужна – час, не меньше. Хорошо. Подумал: а что делать, если он закончит раньше, за полчаса? Сказать ему: а ну, еще полчаса молись? Или что?

Зеркала в доме покрыты пылью и влагой, в них почти ничего не видно, только пятна. Да лучше и не вглядываться, а то покажется что-то, чего не ждешь. Или мертвые мошки по щелчку оживут и полетят стаями в глаза.

Все произошло стремительно. Мы со Шпротом зашли к тете Тоне, она сама попросила заглянуть, чтобы я взял свежий творог для Тихона. У тети Тони дочь – наша бывшая одноклассница Рыжежопа, так ее назвал кто-то в младших классах, и закрепилось. Ну да, и у нее, и у тети Тони рыжие волосы, светлые глаза, простое лицо, точеные фигурки. Шпрот сел у крыльца, подготовил на телефоне видос с порнухой и, когда появилась Рыжежопа, показал ей, спросив при этом, хочет ли она так. В ответ она смачно харкнула в Шпрота, как будто до этого шла и копила слюну, готовилась к встрече. Он вытер лицо и заржал. Так и пообщались. Вышла тетя Тоня и, не поняв, что произошло, вслед дала напутствие: если Тихону еще что-то надо, пусть присылает. Сыр, может быть?

Мы пошли, Шпрот спросил по дороге, хочу ли я Рыжежопу, ответил, что нет, у меня другие планы, он понял, я о той, что была в клубе, – так она небось городская мажорка, с ней вообще не вариант, такие не дают и мозги выносят. Спросил еще: а чего, все ссут сами к Тихону ходить? Ну да, а ты? А я нет, привык, хочешь со мной сходить? Не, на фиг. А что такого? Да ничего. И все это проигралось за пару минут. Как зашли, как вышли, как разошлись и я пошел к Тихону относить творог.

Когда была следующая дискотека, попросил Витю съездить, постоять около клуба, чтобы мы посидели в тачке и подождали ее. Появится ведь, подойду, познакомлюсь, скажу, что... Короче, скажу, что можем покататься по окрестностям, по теплому вечеру, пусть подружку с собой возьмет, поедет вчетвером: хорошо, что с нами нет Шпрота и Димы, будет спокойно и радостно. Мы понесемся по безбрежным степям, по бесконечным дорогам, будем смотреть друг на друга и растворяться в моменте.

Не, мы прождали так часа полтора, и ничего. Она не пришла. Поехали обратно.

Утром проснулся от шепота. Бабушка шепталась с Миронихой. Мирониха – скрюченная бабка с бегающими глазами, постоянно то здесь, то там: смотрит, хихикает. Увидели, что я проснулся, встрепенулись. Проснулся? Да. А где ночью был? А какая разница? Да никакой, дело молодое – с девкой небось. Конечно. Мирониха протянула узелок, попросила передать Тихону вместе с благодарностями. Не понимаю, чего вы сами это не отнесете – недалеко ведь. Не, лучше ты. Хорошо.

Когда-то давно. Поймал бабочку-медведицу, поднес лупу, чтобы разглядеть. Она оказалась похожей на Мирониху. Так-то. Это она, скорее всего. Хихикающая бабка-оборотень.

После дождя, как всегда, дорога в грязи и слизи, все скользкое. Хорошо, если дойдешь и не шлепнешься.

Зашел как обычно, сел на кровать напротив. Тишина, сырость, неподвижный Тихон – ничего особенного. Снова проговорил, чтобы не приходил на девятый день, положил узелок от Миронихи. Спустя полчаса решил-таки спросить, всё ли нормально. Тихон Сергеевич? Тихон Сергеевич? Всё нормально?

Вот это и случилось. Странно как-то. Ну а как я себе это представлял? Так и представлял, иначе ведь быть не могло.

Накрыл зеркало тряпкой. Нет, совсем не страшно. Сидишь один в этой сырости с покойником и не боишься.

Под вечер приехал мент Николай: зашел, все осмотрел, расспросил. А что тут рассказывать, все и так понятно. Да, все понятно. Что собираюсь делать? Надо похоронить. Хорошо, приедут люди из города, кто этим занимается, у него вроде тут мать зарыта, его рядом можно. Конечно. А с домом чего? Не знаю, икону себе заберу, а денег у него не было, ничего не было. Ладно, икону забирай, больше пока ничего не трогай, потом разберемся.

На следующий день никто не обсуждал уход Тихона: все замолчали, как по указанию начальства. Обычно как кто помирал, разговоры шли только о нем: все собирались на похороны, потом поминки, кутья, водка, девять дней, сорок дней, оханье, память. Спросил бабушку, пойдет ли на похороны, она ответила, что совсем прихворала, не подняться. У Мироники тоже разболелась голова, слегла.

Пошел к храму, там в маленьком домике жил отец Андрей с семьей. Чинные и правильные: и он сам, и дети, и жена. Как на картинке в церковном журнале. То ли мне показалось, то ли и вправду он дернулся, когда меня увидел, – понял сразу, наверное, зачем пришел. Сказал, что нужно отпеть. Он покосился куда-то, приобнял за плечо по-отцовски и сказал, что вот какое дело. Тихон Сергеевич был старообрядцем, и у нас не принято их отпевать. Надо поехать в область, там есть община, у них можно спросить. Да не был он старообрядцем. Был-был. Не был. Я лучше знаю... Вспомнил, как Тихон говорил, что Андрюша начнет юлить и виться змейкой, не отпоет. Покивал и ушел.

Что произошло дальше, вы можете предсказать. Естественная драма. Если вас спросить, что дальше будет, вы наверняка это и скажете. Он поедет в город, найдет там квартиру городского священника, а дверь откроет та самая Света, она окажется дочерью этого священника. Так ведь? Как он поедет? С Витей, на их машине. Какая будет погода? Легкий дождь. И еще перед ними проедет грузовик с белой пеной и застелет этой пеной всю дорогу, будто летом прошел снег с едким запахом.

А можете угадать, что я ей сказал, когда она открыла дверь?

А я сам не понял, что пробубнил. Она заулыбалась, спросила, долго ли я ее искал. Ответил, что всю жизнь. Или нет. Она открыла дверь, а я настолько обомлел, что пожевал воздух и ничего не сказал. Витя за меня спросил, здесь ли живет батюшка. Она ответила, что здесь, и, не отводя от меня взгляда, позвала отца. Вылез суровый, бородатый, спросил, чего нам. Витя ответил, что дед на селе помер, надо отпеть. А чего местный священник не может? Да странная тема: мол, тот был старообрядцем. А какого согласия? Беспоповцев не отпевают, а так – все как обычно. Да не был он старообрядцем. А вы из какого села? Потом он пошел, взял мобилу, позвонил. Видимо, отцу Андрею, поговорил с ним в комнате, мы не слышали, да я вообще ничего не слушал, поглядывал на Свету в коридоре. Казалось, мы стоим все там же, в мерцании, в том самом клубе, смотрим друг на друга, и она еще прекраснее, чем тогда. Вернулся к нам, сказал, что не поедет отпевать, извиняется. Почему? Был беспоповцем? Ну типа того, так бывает. Ясно.

Мы вышли, сели у дома. Я даже не понял, что произошло. И Витя не понял, чего я так задышал и покраснел. Каким еще беспоповцем он был, что они все несут? Витя пробил серию по воздуху, ответил, что вообще не знает, кто это такие, и помочь, видимо, ничем не может, лучше ехать обратно и хоронить так, без попов. Конечно, поехали.

Если говорить «не понял, что произошло» всякий раз, когда не понял, что произошло, рассказ придется сложить только из этих фраз. Бабушка не пошла на похороны: я не понял почему. Мирониха тоже. Зашел к тете Тоне, позвал. Тоже. Я шел по селу, и казалось, что передо мной закрывают ставни. Захотелось кричать. Вы чего! Человека же надо проводить. Сколько добра он вам всем сделал. Даже Шпрот не пошел: сказал, что ему мать запретила. Как зона – понятия – воровская романтика, так нормально, а с человеком проститься нельзя. Дима тоже

куда-то пропал. Кроме нас с Витей и закапывающих рабочих никого не оказалось. Мне стало горько, тяжело – я даже всплакнул из-за какого-то общего безразличия.

Гроб скользнул в яму и спрятался. Как будто всегда там и был. Мы с Витей кинули по горсти земли, задержались в пустом взгляде, а когда пошли обратно, я реально заорал. Куда вы все попрятались? Вот же суки неблагодарные. Попрятались как в прятках. По норам. Окна позакрывали, чтобы не видеть. Уши заткнули. Даже с улиц все куда-то исчезли. Может, вместе с Тихоном под землю ушли? Никого на улице, только Рыжежопа вдалеке.

В каждом доме живет праздник!!! Все ушли на праздник.

Все село покрылось туманом и задрожало.

Они не заняты, а просто уснули. Устали и уснули.

Меня трясло от общей неправильности происходящего. Витя поглядывал и не знал, что сказать.

Ехать до города полчаса. Вскоре мы были у того же подъезда. Побросал камешки в окно, она выглянула, махнул головой, чтобы выходила. Она вышла, сказала «ну», а я уже был весь заведенный, на неясном нервяке. Витя несколько раз отводил в сторону и предлагал поехать где-нибудь посидеть спокойно. А нельзя нигде сидеть. Это ничего не решит.

Спросил Свету, как ее зовут. Точно, Света. Надо же. В общем, я хотел рассказать о чем-то трепетном, о нежном, о впечатлении от момента и о том, что готов сейчас ее забрать, увезти. Поживем пока как получится. Где поживем? Где-нибудь.

Она кокетливо улыбалась, сверкала глазками. Потом сказала, что я похож на нарика, но в целом позитивный, не как обычные угашенные. Да угаситься можно не по наркоте, а от обычной жизни. Живешь и гасишься. Витя пояснил, что я не торчок, просто только что с похорон. Света ответила, что знает про все это, отец долго сегодня рассказывал. Что рассказывал? Ну, колдун умер, никто не захотел связываться, отпевать.

Летний ветер тоже можно вдыхать, как дрянную пыль, вдыхать и кайфовать. Я любовался ее прекрасным лицом, каждым ее движением, мелкими поворотами головы, ускользящей улыбкой, наслаждался моментом, как редким вкусом, который может вот-вот исчезнуть. Неужели она сейчас сядет с нами в тачку и поедет кататься? Это возможно? У попа дочка – оторва, она готова поехать вот так невесть с кем невесть куда? Да еще скажет: «А что у вас есть, пацаны?» Мы зажмемся на заднем сиденье, проведу пальцами по ее изгибам, прошепчу ей самое-самое нежное из всего, что могу придумать. Или нет: постоит с нами, скажет: ну, пока, и всё – никаких ля-ля-ля.

Нет, мы сейчас сядем и поедем, поцелуемся, скажу, что забираю ее навсегда, а потом добавлю: а можешь у папы стащить для меня кое-что? Что? Кадило и требник. Что? Что непонятного: кадило и требник. Зачем? Ясно зачем. Ты что, собираешься сам того колдуна отпевать? Конечно. Так ты не можешь. Хорошо, не могу, но подумай: они могут и не делают, а я не могу и сделаю – на ком больше греха? Она спросит, совсем ли я псих, отвечу, что да, совсем. Просто наблюдаю за происходящим и поражаюсь. В каждом доме живет праздник, а Тихон был старообрядцем-беспоповцем, поэтому нельзя отпевать, а то, что он меня просил сто раз о том, чтобы отпели, – это случайно, он что-то попутал, наверное. Ну ладно, зарыли и зарыли. Нет, конечно, никакая она не оторва, она скромная и чувственная.

Мне показалось, что если я сейчас не уйду, то испорчу ей жизнь. И неважно, как это произойдет, есть момент сейчас: я могу уйти, и у нее будет все хорошо, а могу остаться и втянуть ее в какую-то жуть. В какую? Не знаю. Дело ведь не в чувствах. Здесь что-то другое, как в той телепередаче про наше село. Наши деревни сомкнулись кольцом вокруг чудесного озера, а в сердце всего этого созвездия находится село. И в данную минуту мне надо повернуться и пойти, тогда у нее по жизни все сложится не сказать что излишне благополучно, но нормально.

Во вторник проснулся и подумал, что оглох, – звуки пропали. Осталось только невнятное журчание – то ли за окном, то ли в половицах. Взял старую железную кружку, накалил гвоздь,

пробил дырки, протянул цепочку – чем не кадило. Есть ароматные травы, их смешиваешь со смолой, комкаешь и поджигашь: они тлеют, дымятся, получается приятное благоухание.

Все это напомнило еще одну сцену из фильма «Брат». Как он собирает огнестрел, потеет, старается. Так и я поутру собираю кадило.

«В развалинах храма до сих пор слышно ангельское пение, службы не останавливались ни на минуту. А кладбище полно тайн. Ходят слухи, что где-то на нем зарыт клад, что купец перед смертью попросил не раздавать добро невесть кому, а оставить ему».

Ну и хорошо. Ангелы подпоют. Представлю даже, что Света стоит рядом, тоже подпевает. Даже неважно, так ли это.

Кладбище стояло сырым и тихим, как дом Тихона. Будто он перебрался из дома в дом. Перешагнул через высокую траву, оградки, зажег смолу в кружке, открыл молитвослов. Не меньше часа. Хорошо. У меня слезы – от дыма, от пахучей травы, ну и немного от печали. Начал с псалмов. И дальше, и дальше. Ангелы подхватили. Пусть покоится дед, никому он ничего плохого не делал, жил как мог. Упокоится ли со святыми – кто знает, но попросить-то можно. Что могу, то делаю, как могу, так и благодарю. Не надо приходить ко мне на девятый день, и без того порой жутко. Но ничего, если придешь, так придешь, спокойно поговорим, как раньше. А я сделал как обещал, даже с ангельским хором.

Люди на овальных фотографиях глазели и удивлялись. Переговаривались, наверное: мол, у них-то не было ангельского хора, а тут есть – видно, кого-то высокопоставленного отпевают. Как когда военных хоронят, приходят солдаты и пуляют в воздух по невидимым птицам. А здесь даже лучше. Всё, больше часа. Пусть покоится Тихон Сергеевич.

Под вечер сидел и смотрел телевизор, местный канал. Даже не заметил, как она зашла. Тихими шажками, предвкушением, быстрым взглядом. Ты тут? Да... Хорошо. Думаете, Света? Не, Мирониха. Принесла узелок с гостинцем, рассказала, что у нее болит голова, нет ли у меня травки заварить. Есть, ароматная, можно и в чай, и в смолу – просто нюхать. Ага. И икона теперь у тебя? Да, у меня. Ага. Пусть покоится Тихон. Пусть. Если чего надо, ты скажи. А что мне надо? Ну, молоко, творог, сыр свой, домашний, не покупной. Хорошо, скажу, если захочу чего.

Рыба

Сергей Петрович, администратор по должности и пониманию вещей, жил со своей женой, Софьей Григорьевной, в маленьком городке на юге России. Рядом текла речка, не замерзавшая даже в крепкие морозы. В центре же стоял памятник (понятно кому), а рядом с ним дом с конторами, в одной из которых днями заседал Сергей Петрович. Дети Сергея Петровича давно выросли, обзавелись своими семьями, переехали в большие города. Навещали родителей они редко, скорее по нужде, чем по тоске. Так складывалось бытие: спокойное и должное.

Сергей Петрович вздрогнул от звонка в дверь. Огляделся, недовольно встал.

– Кто там еще, – сквозь сон пробормотала Софья Григорьевна.

– Спи. Сейчас погляжу.

Сергей Петрович подошел к двери.

– Кто? – резко спросил он.

– Это я, Семен. Откройте. Если не спите, конечно.

– Как мы спать можем, в шесть утра-то...

Семен зашел. Был он, как обычно, в длинном черном плаще и старой шляпе, строгий на вид. К Семену Сергей Петрович испытывал особое уважение, даже что-то дружеское и, зная его ранимость, старался по возможности всегда поддержать, ни в коем случае не задеть грубым словом.

– Заходи. – Сергей Петрович указал рукой на кухню, прикрыл дверь в комнату, чтобы не мешать жене, поставил чай. – Что стряслось-то, Семен?

– Не поверите. – Семен присел, даже не сняв верхней одежды.

– Если заранее знаешь, что не поверю, то можешь не рассказывать.

– Странное что-то произошло. – Семен взволнованно посмотрел на Сергея Петровича. – Я спал, все было как обычно. Проснулся. Лежу в темноте, думаю. Мысли разные лезут, отгоняю, они снова лезут. А комната такая лунная вся, в свете. И вдруг смотрю... – Семен снял шляпу, достал платок из кармана и вытер лоб.

Сергей Петрович налил чаю и сел рядом.

– Ну? И что вдруг?

– Вижу, прямо посреди комнаты... – Семен еще раз вытер лоб.

– Кто же? Грабители?

– Не, – нервно усмехнулся Семен.

– А кто?

Семен сделал глоток. Он был настолько взволнован, что не мог говорить.

– Инопланетяне с мигалками?

Семен повертел головой.

– Баба красивая? Голая? – Сергей Петрович сказал это тише остального, чтоб жена не услышала.

Семен снова повертел головой.

– А, понял, – рассмеялся Сергей Петрович. – Ты сам. Там ты стоишь, но как бы мертвый. А лежишь живой. Так жизнь и смерть в той комнате соединяются. Лежишь и думаешь, где ты на самом деле: там или тут. Так было?

– Нет. Рыба.

– Какая рыба?

– Рыба, прямо посреди комнаты. Большая. Смотрит.

Наступило молчание. Сергей Петрович не смог придумать уместной шутки, поэтому просто стал поглядывать на Семена и подливать то ему, то себе чаю.

– Много ты работаешь, Семен. Я думаю на очередном заседании администрации поставить вопрос о твоём повышении. Да-да, ты заслуживаешь большего. Думаю, что пора тебе дать отпуск. Надо постараться выбить для тебя путевку на хороший курорт, возможно и зарубежный. Сейчас у администрации другие возможности, другие ресурсы.

Семен не ответил.

– Люди с твоим стажем и старанием – да и вообще с твоим отношением – должны достойным образом жить и встречать старость. За границей так оно и есть. И мы к тому же идем.

– Понимаете? – Семен слегка повысил голос. – Рыба!

Софья Григорьевна поднялась, набросила халат и проскользнула мимо кухни в ванную комнату.

– О, встала. Она в снах разбирается. Сонька, слышишь? – крикнул Сергей Петрович. – К чему рыба снится?

– К беременности! – выкрикнула Софья Григорьевна из ванной комнаты. – А кому приснилось?

Сергей Петрович посмотрел на Семена и рассмеялся.

– Видишь как! И декретный отпуск тебе еще полагается. Не волнуйся, сейчас время мутное, и не такое можно оформить при желании. Главное – с толком все провернуть и от устава не отходить.

– Я уже проснулся, – растерянно продолжил Семен, – я уже не спал тогда. Комната лунная вся была, красивая такая. Я сначала на окно взглянул, на свет. А потом правее посмотрел. В свете этом. Посреди комнаты. Понимаете?

Сергей Петрович вздохнул.

– Семен, а как рыба без воды может быть? Или там аквариум стоял?

– Без воды? – Семен задумался. – Не знаю. Никакого аквариума. Большая такая. Будто в воздухе, над полом. Смотрит. Я закрываю глаза, открываю – все равно смотрит. Потом вскочил с кровати, выбежал, наспех оделся и к вам.

– Правильно. Только в следующий раз часам к семи хотя бы приходи. Лишний час поспать при нашей-то работе – дело важное. Мой тебе совет: ты не особо рассказывай об этом коллективу. Мне доложил – и отлично. А там народ недалекий, не поймут. Скажут, что... Ненормальный, скажут. Рыбы в комнате у него. А по мне, так ну и что. Главное – ответственность, порядочность. А кто, что и с кем по ночам делает – личное дело каждого, лезть туда не надо.

Семен кивнул, рассеянно раскланялся.

Следующим вечером он не мог уснуть и оставить волнующие мысли. Он смотрел на середину комнаты – там ничего не было. Потом уснул. Разбудил его лунный свет, падавший прямо на лицо. Вся комната освещалась хорошо, но место кровати особенно. Не придя еще в себя, он взглянул на середину комнаты. Дернулся, отвернулся, закрыл лицо руками, повернулся обратно, слегка раздвинул пальцы у лица, чтоб было видно, да так и остался лежать, задержав дыхание. Посредине комнаты находилась огромная рыба, неподвижно смотревшая на Семена. Казалось, что она висит в воздухе. Семен пригляделся и увидел, что она немного шевелит плавниками, будто не в воздухе висит, а плавает в воде.

– Опять была сегодня, – шепотом сказал Семен Сергею Петровичу, будто невзначай отведя его в сторону от остального коллектива.

– Кто?

– Рыба. Кто же еще.

Сергей Петрович вздохнул, похлопал Семена по плечу.

– Видишь, как важно правильно жизнь выстроить. Лет двадцать назад женился бы – все по-другому пошло бы. Дети уже подросли бы. И рыба не приходила бы по ночам. А так... Знаешь, я не специалист в этом...

– Откуда она берется – не пойму. Я сначала долго лежал, смотрел – ее не было. Потом уснул, проснулся, а она уже там. Кажется, где-то в четыре ночи она приходит.

– Приплывает, наверное, а не приходит.

– Да-да, приплывает.

– А ты говорить с ней пробовал?

– Нет.

– Так попробуй. Прямо и спроси, чего ей надо. Может, кого из своих ищет. Ты ей объясни, что здесь люди живут, что ей в другое место нужно – в речку.

На следующую ночь Семен, как только открыл глаза и увидел рыбу, начал заготовленную речь:

– Что тебе от меня надо? Живу я просто, ничего плохого или особо вредного не делал. Рыбалку никогда не любил, зла ни рыбам, ни животным не причинял. Когда-то даже собака у меня была. Может, тебе лучше к соседям ходить? Или плавать...

Рыба все так же неподвижно висела в воздухе посреди комнаты. Семен пересилил себя, остался лежать в кровати, закрыл глаза и вскоре уснул.

– Семен, дорогой, жена меня не поймет, если пойду к тебе ночевать. Попроси кого-нибудь из коллектива. Лучше женщину, – Сергей Петрович засмеялся, – одиноких у нас много. Ты человек уважаемый, с достатком. К тебе пойдут, поверь.

– Сергей Петрович, ну а если не ночевать? Давайте на улице спрячемся, у подъезда. И окно мое видно, и лестницу. Посмотрим хотя бы, как она внутрь проникает. Она в три-четыре ночи появляется.

– Это мне еще меньше нравится. Мы же рабочие люди. В девять утра мы должны быть на службе. А если мы всю ночь там просидим, то какими же явемся работать наутро?

– Так выходной ведь завтра?

Сергей Петрович недовольно посмотрел на Семена.

– Скажу жене, что на ночную рыбалку иду, – резко произнес он и зашагал по коридору.

Сергей Петрович пришел к Семену поздно вечером – с рыболовным снаряжением, в высоких сапогах и зеленом плаще. Вдохнув, он бросил удочку и рюкзак в угол.

– Семен, уважаю я тебя. Любой другой попросил бы о таком – уволил бы. А к тебе, видишь, пришел. Тебе я во всех вопросах доверяю. Как-никак пятнадцать лет вместе работаем.

– Спасибо, Сергей Петрович. Я постелю вам у стены. Рыба тут появляется, – Семен показал на центр комнаты, – здесь вот. Вам тоже ее видно должно быть. Она лицом ко мне будет. Или не лицом, а как там у них... Мордой? Не, это у собак морды.

– Просто головой.

– Да-да, головой сюда будет, но вы ее сзади увидите.

– Хорошо. Ты только разбуди.

* * *

Как обычно, яркий свет вывел Семена из сна. Он открыл глаза и сразу же взглянул в нужную сторону. Раздавался храп Сергея Петровича. Посреди комнаты висела рыба.

– Сергей Петрович, – закричал Семен, – проснитесь!

Сергей Петрович что-то промямлил во сне. Семен крикнул еще громче. Внезапно рыба пошевелилась. Потом сдвинулась с места ближе к дверям.

– Уплывает, Сергей Петрович! Проснитесь же! – закричал Семен что было силы.

– Что такое? – Сергей Петрович открыл глаза.

– Здесь, у дверей! Еще не успела уплыть, еще видна.

– Кто?

– Как кто? Рыба. Ну вот, всё... Уплыла.

– А, рыба... – Сергей Петрович вскочил с кровати. – Сейчас. Куда уплыла?

– В коридор.

Сергей Петрович побежал в коридор.

– Поймал! – крикнул он оттуда. – Я тебе вот что скажу: ты больше сюда не приплывай, тут люди живут, – громко произнес он, – тебе водоем нужен, а тут нет водоема. Договорились? Не приплывешь больше? Ну и хорошо.

Сергей Петрович вернулся в комнату.

– Семен, я с ней договорился. Она больше не будет приплывать. Она поплыла к себе, в речку. Забудь про нее, дорогой. Давай чайку выпьем, да я домой пойду.

* * *

Семен вышел из дома. Все окрестности являлись не по-обычному чуткими, они встретили Семена, захватили. Он перестал различать дорогу, планы, места. Сел в увиденный автобус и поехал. Дальше открывалась красота: белые поля без всяких мыслей и памяти. Казалось, что все это не имеет конца, не имеет времени и вообще ничего привычного. Где-то за окном заканчиваются рассуждения: если бы они не заканчивались, дорог было бы много, а их вовсе нет. Семен переменялся лишь тогда, когда увидел, что едут они так близко к воде, что можно ненароком в нее свалиться.

– А чего мы так близко к воде едем? – спросил он.

Сидящая рядом старушка на него покосилась.

– Вода под колесами прямо! Ни берега, ничего нет, сразу вода начинается. – Семен уставился в окно.

– Ненормальный какой-то, – услышалось от старушки, – всю жизнь так автобус ходит.

– Вас интересует, почему вода так близко? – Внезапно к Семену подсел улыбающийся мужчина средних лет с еле заметной сединой. – История обычная. Я работал на этой дороге. Тогда плотину неподалеку строили и мост проектировали. Инженерá, люди с большой буквы. Все расчеты пока выверишь, цифры и места – это вам не шутки! – Он поднял вверх указательный палец, придавая сказанному еще более высокий смысл. – Одна цифра не сойдется – бобры плотину съедят, или мост рухнет. Ошибок нельзя допускать. Все точно делаться должно! А архитектура? Реализация зданий, высоток... Это же... – Он поднял палец еще выше, не переставая при этом улыбаться.

– Лучшая архитектура у итальянцев, – заметила старушка.

– Не у итальянцев, а у корсиканцев – выходцев со свободных территорий. Римское право надо знать. Я и в Неаполе, и в Венеции бывал: на лодочках плавал, архитектуру смотрел. Нет, всё не то. Там люди страсти, смуглые такие, красивые. А архитектура не та! Венецианское стекло, резные решетки... Не то всё это.

– По воде ведь едем! – Семен не отрывал глаз от окна.

– Это ли вода, – усмехнулся мужчина, – вода настоящая – среди морей.

– И океанов. Мировой океан, – добавила старушка.

– Да что там океан! Атмосферные слои – вот скопление силы.

– Атмосферное давление!

– Да.

– Да-да.

– Точно.

– Точно-точно. Атмосферное давление.

Семен с тревогой посмотрел по сторонам, но, увидев всеобщий покой, несколько утешился. Не оставалось ни сил, ни смысла выходить. Там открывались новые заснеженные поля, а влево от взгляда – небо без волнений, обычное.

– Я тоже всю жизнь инженером проработала, – продолжила старушка. – Знаю, как мосты строятся. Куда едешь-то?

Семен вопросительно посмотрел на старушку, ничего не ответив.

– Ночевать есть где? Если нет, то у меня в сарае рабочие часто ночуют. Можешь и ты пристроиться. За это поможешь мне полы переложить. Устраивает?

Семен закивал. Поля за окном заняли новые просторы. Семен решил проследить, где они заканчиваются, но вскоре понял, что они могут не кончиться вообще. Тем временем автобус опустел, Семен остался наедине со старушкой. Он посмотрел в ее глаза. Там не было ничего сложного и необычного.

Автобус остановился вне видимой жизни. Там уже не было пения птиц, криков животных. Старушка повела Семена запорошенными лесными дорожками, а когда те кончились – прямо через снеговые завалы.

– В молодости верилось, что дороги нормальные построят, не надо будет зимой через сугробы перелезть. – Старушка засмеялась.

– Я когда-то думал, что должно нечто произойти и чувства всех людей будут преобразованы. Кого любили – того и останутся любить, но уже по-другому, более чутко. Думал, что в один миг все остановятся, новые чувства получают и дальше заживут. Кто захочет – к старому вернется, а кто решит по-новому жить – будет иным. А от чувств и мысли другие пойдут, а за мыслями и вся жизнь переменится. Нет-нет, ничего страшного, это только поначалу смотреть, слышать, касаться трудно будет, в одном взгляде или прикосновении целые страны будут открываться: моря, леса, разговоры животных и птиц. А потом все привыкнут, даже самый тусклый человек преобразуется, вскрикнет, и откроется все это перед ним. Конечно, напугается немного. Я как-то пришел на работу, увидел людей: честных, справедливых. Сказал

однажды о преобразовании чувств – и все засмеялись. Тогда смех и меня захватил, я понял ошибку: никакого преобразования не будет, смех накроет все чувства и даже страхи. При встрече смерти все будут смеяться, при рождении тоже – не плакать, а хохотать. Мир превратится в большую улыбку, обсмеет все: зло и добро, всякий смысл, самого себя и остальных. Не будет больше ночных кошмаров – просыпаться будут по ночам от хохота. Самое страшное насилие предстанет – и ничего кроме смеха не вызовет. Я сейчас говорю и сам не знаю, как удерживаюсь, чтоб в смехе не забиться.

– Вот и пришли. Не привередничай, что есть, то и бери. Здесь и ложись. А с утра полы начинай стелить. Поживешь с недельку – заплачу в конце.

Семен сбросил куртку, присел на отсыревший диван, что стоял вдоль стенки.

– Куртку не снимай лучше на ночь. Холодно тут. Я тебе одеяло дам, укройся поверх куртки. Я в доме отоплю, сюда тоже тепло дойдет, согреешься. У меня часто здесь кто-то из рабочих ночует.

– А самое страшное, что преобразование может все-таки прийти, ради людей прийти. Но мир обсмеет его, и оно обратно уйдет. Пойдет оно к напуганным – тем не до смеха. И к сумасшедшим тоже пойдет – у них смех по-иному выходит, не оттого, что все смешно. Их трясет болезнь, а вокруг думают, что им весело. И меня сейчас озноб охватил, но не оттого, что тут холодно: внутри отчего-то трясет. Сначала страшно было, а теперь... Думаю, что так и лучше.

– Будет холодно – к стене спиной прислонись. Я еще кипятка принесу: на ноги полей, а потом их одеялом окутай. Обожжет немного, но это хорошо – отвлечет от холода.

– Да-да, это хорошо. Так и надо.

Старушка ушла. Семен расположился поближе к стенке. Вскоре он почувствовал, что в доме затопили. По телу пошло приятное тепло, стало легче, даже радостнее. Семен улыбнулся. Показалось, что сырости и холода почти не осталось. А чем плотнее он прижимался, тем глубже тепло в него проникало. Захотелось слиться со стеной, чтобы сначала тело, а потом голова и вся суть погрузились в покой. Он закрыл глаза.

Проявились старые дома вроде тех, что рушатся в новое время. Большие, но неудобные квартиры. Семен понял, что скоро должно что-то произойти, посмотрел по сторонам, надеясь увидеть намеки на ожидание у окружающих людей. Выбежал на балкон. Повсюду были люди: они и правда готовились. А солнце поднималось, становилось ярче и страшнее. А когда установилось над Семеном, то всем своим светом вошло в него. Он закричал.

Семен открыл глаза. Это был не солнечный, а лунный свет. Он пробивался через щели сарая, но пробивался четко, будто преград и вовсе не было. Свет показался Семену необычайно красивым, продолжающим сон. Он закрыл лицо руками.

– Ты здесь? Знаю, что здесь. Я вспомнил тебя. Ты в детстве всегда ко мне приходила. Я тогда глаза ладонями закрывал, а пальцы немного раздвигал и смотрел, как ты в комнате висишь. Сначала боялся, а потом стал с тобой разговаривать, рассказывать все самое тайное. И тогда тайн внутри больше не оставалось, все тебе было открыто. Помню, меня маленького мама отвела в церковь. Вела, говорила строго: «Ты священнику все-все расскажи, что дурного думал, что делал не так». Повторила это несколько раз. А когда я пришел к нему, то растерялся. Он смотрит, улыбается, спрашивает, хочу ли я рассказать что-нибудь. Тогда я закрыл глаза – и как будто в комнате оказался ночью. И тебе все рассказывал. Про то, что чувства человеческие другими станут, про страхи свои. Открываю глаза, а он плачет. Смотрит на меня и плачет. Я его спросил тогда: «Вы не рыба?» Он ответил, что нет, не рыба. А потом ты перестала приходить, и я понял: когда ты снова придешь, я умру. Стал бояться, даже просил тебя мысленно, чтобы ты в эту ночь не пришла и в следующую – тоже не пришла. А сейчас не боюсь...

Двери сарая раскрылись, лунный свет занял все видимое. Рыба медленно двинулась в сторону прямо по воздуху. Семен пошел за ней, не заметив, что тоже уже не касается земли, а

плывет по свету. Уже через мгновение их не было: вернее, они были, но выше лунного света и видимых мест. Привычный мир остался ждать и думать о них. А они просто поплыли навстречу новому дыханию и чувствам.

Новый год

Мама говорила не смотреть на переводных дракончиков.
Это было под Новый год.

У нас стояла пышная елка, недалеко от кровати. Каждый раз мы доставали из коробки игрушки, разноцветные шары, украшали, посыпали ветки ватой – как будто на них лежит снег. Ночью, когда не выключали красную гирлянду, казалось, что это не снег, а огонь. Горит и переливается багровым и оранжевым.

Все пылает. Надо успеть задуть, пока не погаснет.

С переводными дракончиками так же: на кухне, если проходить мимо – ночью, например. Не получалось на них не смотреть, хотя и было ясно, что дело в нервах. Нервы как суставы, только растянутые и связывающие не мышцы, а причинности.

В секции были раздробленные зеркала, и еще на стенке одно. Получалась дорожка из отражений – всегда было страшно в нее заходить. А пылающая елка туда попала и превратилась в уходящий горящий лес.

Еще выключенный телевизор – тоже как зеркало.

Если ночью выходить из комнаты, надо не смотреть в дорожку, в мерцающие огоньки, чтобы тебя туда не утянуло.

Не смотреть туда, не смотреть сюда – казалось бы, живешь в квартире. Откуда-то возникают все эти правила. Переводные картинки, горящие деревья.

Рядом с домом крестной ветер поднимал людей и уносил. Они понимали, что сопротивляться нет смысла, раскидывали руки и улетали, как гигантские мухи. Птицы летят куда думают, а мухи кружатся внутри ветра, им все равно никуда не направиться. Они болтаются в разных воронках. От воронки до воронки, у них пути как нити – линии, кружева, и так всё в чередовании.

Летом бабушка сдавала одну комнату. У нас часто селились разные люди, приезжающие на лето. Мне было как-то неуютно от этого, они ходили через комнату, в которой я спал. Но бабушка объясняла, что иначе нам не прокормиться. И вот тем летом приехали отдыхающие, на море. Из Москвы. Полная активная тетя с дочкой. Дочка – где-то на год старше меня.

Было лето, а не Новый год, и никакой елки. Хотя какая разница. Все равно все это в памяти: и вереницы горящих деревьев, и опасные места в квартире, и картинки.

Девочка уже красилась, носила обтягивающие шорты и вообще красовалась. Поговорить с ней я не решался, первым не здоровался. Ее мама даже как-то подталкивала нас, чтобы мы пообщались, но все упиралось в мою замкнутость. Как будто речь уходила изо рта, я не знал, как и что сказать. Когда она говорила «привет», мне почему-то стыдно было тоже ответить «привет», я тихо кивал и отворачивался. И реально не понимал, что такое: произнесение слов – как способность – сдавливалось и исчезало.

По вечерам я читал Библию и стеснялся, что она увидит. Непонятно почему. Когда проходила мимо, закрывал книгу и отворачивался, делал вид, что смотрю в окно – в темную пустоту.

Одним утром, когда я спал, она зашла в комнату, посмотрела в мою сторону и остановилась. А я не спал, само собой: лежал, замерев. Показалось, что она все это понимает, что я не сплю, и играет в такую игру.

Привет, – сказал про себя. Стой так, не уходи пока.

Там, где ты сейчас стоишь, зимой появляется горящий лес, если разглядишь себя в нем, то сгоришь вместе с ним. Сейчас вскочу, толкну тебя, и ты упадешь в дорожку из отражений. Ты вообще не понимаешь, куда приехала, здесь нельзя так стоять и смотреть куда хочется. Нет, никуда не толкну, потому что во мне нет жестокости. Все, давай, иди дальше, я уже встаю, не могу же встать сейчас, когда смотришь. Станет ясно, что я не спал, возникнет еще большая неловкость.

Потом вечером. У тебя есть магнитофон? Нет, у друзей есть. Хотя сейчас друзей тоже нет, они были и вскоре снова появятся. У всех будут магнитофоны.

К нам зашла женщина с черным лицом, села на кухне. Увидела меня, приложила палец к губам и шепнула, чтобы я никому не рассказывал, что она заходила. Жаль, что девочка со своей мамой сейчас на пляже, я бы ей показал, кто к нам иногда заходит. Удивил бы. Красивых девочек надо удивлять. Подойти и сказать: сейчас кое-что покажу, пойдем на кухню, смотри, кто там сидит. Ой, а кто это? Тебе лучше не знать. Пойдем, подглядим с балкона, как она уходит. У вас в Москве такого нет, да? Если она начнет в тебя вглядываться, просто скажи мне, и я все решу. Смотри, какое лицо, да? Она проходит сквозь души, поэтому такая, иногда заглядывает к нам.

На самом деле здесь много дверей и окон. Внутри дверей еще двери, внутри окон – окна. Нескончаемая череда. Через окошки можно разглядывать. Но в любой момент кто-то может подойти с той стороны и ой. Если об этом думать, селится тревога, уже не по себе подходить к следующему окошку. Окошки, те, что дальше, тусклые, никто их не протирает. Кривой коридор из дверей-окон: если зайдешь, уже оттуда не выберешься. Окна сами как лес. Скажут потом: нашли тринадцатилетнюю москвичку в лесу. А ведь это просто из-за незнания и любопытства. Не виновата ни в чем. Помнишь женщину с черным лицом? Ну вот. Даже с ней мне пока что проще говорить. Приезжай лучше года через три, я тогда научусь полноценно общаться. А пока привет. Забирай свою маму и уезжай. Три года еще. Привет.

Чужая одежда

В этом месте находятся бывшие заводские общаги, блочные тусклые пятиэтажки. Всего десять, когда-то их покрасили в разные цвета. Сейчас уже все подравнялось, они стали почти одинаковы, а лет сорок назад наверняка блестели как разноцветные воткнутые карандаши. А вокруг мягкая мокрая земля, болотистая, звучащая. Раньше казалось, что по ночам из окрестной темноты доносится пение, кто-то поет песню, и не в одном месте, а со всех сторон. Просыпаешься, прислушиваешься: и правда ведь, такого нет днем.

Прошлый раз шел по тем же дорожкам, с электрички направо, дальше через заброшки. Тогда приблизился к подъезду и увидел, что нет двери, а вместо нее сидят собаки. Протиснулся, поднялся на пятый этаж. Железной лестницы тоже нет. Она была приварена к крыше, стояла на случай пожара, чтобы, если польхнет, вылезти наружу. В одну ночь ее спилили, снесли вниз, погрузили на тележку и увезли на металлолом. Дверь в подъезд тоже. Как не стало двери внизу, на этажах поселились медленные люди в потрепанных шубах с большими сумками. Коридоры длинные, в конце окна и неработающие батареи. Люди стали туда заплывать и застывать до первого света.

Так было пять лет назад. И почему я не мог приехать все это время? Дело не в страхе, а в обстоятельствах. Обстоятельства позволяют отвлечься и не переживать.

Подошел к двери, не смог попасть ключом в замочную скважину, задрожали руки и глаза. Еще раз и еще раз. Когда открыл, все внутри онемело, во рту появился мятный привкус, как от конфеты против укачивания.

Все сырое и тихое. Шторы плотно задернуты, грязный подоконник, проваленный бордовый диван, сползшие желтоватые обои, на стене замершие часы. Все так, как раньше, только спокойнее.

И внутри, и в окне всё в дырах и следах. Вышел в коридор. Он длинный, на нем квартиры – как зерна на стебле. Только уже, наверное, никто не живет, иначе слышались бы голоса. И там, в самом конце, человек в оранжевой одежде с длинными рукавами, некий Пьеро. Увидел меня и начал читать пятый псалом нараспев – звучно и красиво. Нет, конечно, это просто галлюцинация, такого быть не может. Нет там никого, только пробивающийся тусклый свет.

Коридор расступился и засиял.

Спустился на четвертый этаж, постучал. Тетя Зоя открыла, уставилась, поморгала, разглядела, раскрыла страшный рот и без звука широко проговорила мое имя. Это ты? Да, я. Заходи. Ни о чем не надо меня спрашивать, и я тоже не буду. А потом – на тебе одежду, новый спортивный костюм, недавно купила, никто не носил, не ходить же как с дороги, надо удобнее одеться. Я отказался, она снова повторила то же самое. Новый спортивный костюм, можно и днем ходить, и ночью в нем спать, он мягкий и теплый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.